

Райнхард Йиргль

В открытом море

Роман сечений

(Вступление и последняя глава)

Ксирон¹

Проблема сечения

Памяти Г.Б.

1. Ноктюрн. Снаружи

Мода, режущая глаз: к ночи они облачаются в темную кожу; спины руки ноги ошетилены бритвенными лезвиями, это чтобы компенсировать промах Творца, не давшего человеку острых и колючих отростков – от чересчур назойливого приближения, от нежелательного соприкосновения с коллективом защитят теперь эти бритвочки, пронзительно-яркие лезвия, морозно-лунные лампасы на черном фоне (10 лезвий самого дешевого сорта, по 5 марок, – их не хватит даже на один рукав : природа есть капитализм, преодоление природы – его империалистическая стадия) – такова *haute couture*² ксиронидов, и это при том, что по натуре им свойственно радикальнейшее миролюбие. Последнее – не от филантропии или прилива запоздалого гуманизма, а исключительно от понимания никчемности *фюзиса* как такового и его неприменимости в качестве средства выхода в трансцендентность.

2. Плоть и кристалл. Внутри

Пиратство и кризисы: одержимость «снятием стружки», горизонты зондирования : демонтаж кажущихся компактными зрительных образов и мыслей, рассечения; И – разложение всего закрытого в себе на обломки его изначальной формы; случайно соединившееся, произвольные данности – без всякой взаимосвязи, просто здесь-существующие, материальные, возвышенные, само-достаточные – стружка / частицы / вирусы : Оклахома мозга, восторги и одиночество в пустыне Мохаве; стена дома, плавающая в желтизне льющегося с высоты зимнего света (а в окнах – огненная синь); 1 снежный кристалл фокусирует солнечный свет И лишь пылающий лед дает излучение (видимое под 1-1ственным углом зрения); лазерно-филигранная, пунктуальная бдительность, состояния тяжелой просветленности – когда в понятийной сфере создаются предметности и компактности, когда воспроизводятся реальности, монолитно – – но тут же расплываются, тут же искажаются, как лица за окном проносающегося мимо экспресса; смешанное только из природных узлов, гибридное, допускающее пересечения, а отсюда – высокая степень сродства с ядами и дурманом, с метаморфозами и гниением. В сексуальной сфере – идиосинкразия по отношению к любому окультуривающему давлению: любовь, мол, – это уютно горящие свечи, домашние тапочки & сувенирные чашки –:Нет, это дрейф души в молекулярном потоке, колебания внутри-телесного климата, смертная терпкость темных ароматов болиголова, черные воды качают ночь, сердечный тон как у утонувшего – падучая и выход за пределы тела сгорание часов-окаменелостей Первовремени *Все счастьем дышит*

¹ Бритва (*древнегреч.*), в том числе и в переносном смысле: «находиться на острие бритвы».

² Высокая мода (*франц.*).

*все звенит*³ в горячечных содроганиях холодном оцепенении, этих двух составляющих эндогенной фантомной ночи, исключительно эгоцентричной – (Все богатства тропических островов – за 1 галопирующий ритм!) – :отвергаются, между прочим, и гастрономические сентиментальности: человеческие зубы и челюсти, судя по их строению, определенно рассчитаны на хищников, а потому – мясные блюда вместо щадящей диеты и всяких там каш-овощей; в сексуальном же плане люди – кровопийцы каннибалы копрофаги; их также привлекают Фелляция – это такая бухта, богопосещаемая, с волосяным покровом, нильским илом и прочими удовольствиями, пищей и восторгом для мертвецов – и игры со всеми атрибутами любого желанного тела (ведь ничем не ограниченная объектная ориентация, омникоитальная вседозволенность предохраняют от романтизма и неврозов) – *кто очень индивидуалистичен, тому и содомский грех не повредит* –:Все это они хотят не сублимировать или подавлять, а от случая к случаю выдерживать в=себе – шаги в древесных кронах и слезы перед автомобильным номерным щитком –:свободный конденсат *страсти=страдания* (отсюда непопулярность мастурбации: страсть-страдание, это болезнь головного мозга) – его надо почувствовать в=себе, сформулировать для=себя и понять, что такая идея свободы никогда не сможет осуществиться без утраты свободы предметом твоего обожания – свобода достижима лишь в слове – зато непрерывность «временного состояния» облегчает момент разлуки : Вот, пожалуй, и все, что можно сказать о плотской трагедии перелетных натур : пурпурные переливы и дурманный запах гвоздик, маковый цвет женский рот темный тон, развеивающиеся – – –

Непостоянное, значит, против: сохранения родового древа & укрепления прилегающего к нему клочка родной земли : эмоция по билету, текучее – даже в 5-м акте; в душевном плане – рывок мотылька, а внешне – как каменное, что в физиогномике, что в жестах, статичное и холодное, как задрапированные готические фигуры, застылость в фигурации недоразумения – в этих точечных тенях огненной природы, при совершенно ясном осознании ущербности мира объектов, Сохраняй дистанцию и наслаждайся – в собственном бытии амбивалентные склонности: тяга к рассечениям, при том, что сам расползаешься на волокна – Распознанные, но одинокие и Никому-не-принадлежащие, туманно-клочковатые в вечернем чаду орплидского⁴ пип-шоу «Прогресс», прочерк-тире между двумя мыслями, поучительный кондом, сэкондхэндковский и перфорированный : «В наши дни, – писал Петроний, – легче встретить философа, чем порядочного человека»⁵; И Сенека: «Сегодня забытые – счастливее всех» : Еще раз : Сохраняй дистанцию и наслаждайся минутным счастьем, латерально. Ибо в начале бывает Боль. В конце: Белое думанье, бритвенные слова, Антарктида мозга – туда за тобой никто не пойдет! – паттерн неорганического и смерти. Еще раз обрисовать контуры, в

³ Цитата из последней строфы стихотворения Готфрида Бенна «Одиночество в августе»:
Все счастьем дышит, все звенит
Отрадой зрению и слуху...
А ты живешь – и служишь – духу:
Он счастья противоманит.
(Перевод Виктора Топорова)

⁴ Орплид – сказочный идиллический остров в произведениях немецкого романтика Эдуарда Мёрике (1804-1875).

⁵ Петроний Арбитр, «Сатирикон», XVII. В русском переводе С. Капелюшников: «Наша округа полным полно богов-покровителей, так что бога здесь легче встретить, чем человека».

позднем свете: орнаментальный синапс⁶ против имитационного сверкания; в спíне⁷ системы разложения, на пенистых краях бытия закруженное, кусочки коры в умывальнике, вселенные из соплей, голос телекомментатора с наложением на него иноязычной музыки, громкой – громче, пока немецкий, на котором говорит комментатор, не превратится в иноязычную речь – и останутся речевые скорлупки, мимика, сочетания оптоэлектрических сигналов, гримасы : модуляции, колеблющиеся в захватывающем ритме, точки пересечения, вот-и-Вотив! – возвышенное мгновение – человек в слове как знак для человека как такового, продукт фильтрации, грамматический факт, существо, сотворенное в автономном режиме, в пику атавистическому таинству конформации : семиотика против гипотипоза⁸ – и в середине, центрированно, всегда статическое, всегда структуры, кристаллический Церебрум⁹: высокая емкость в мегабитах при комплексной индифферентности к конкретному содержанию информации – Волк охотится на зайца Стратегия выведения спутников на геостатическую орбиту Регулирование водоочистных систем в целых регионах страны Растровый метод розыска террористов Универсальная библиотека, гипер-александрийская – вторжения в сферу нано-времени – -:И – вездесущий знак выброски, электронное забывание без всякой психологии вытеснения, конец религий и идеологий : совокупное содержание запоминающих устройств равняется Нулю – Продолжительность конца пока не отформатирована.

3. В Белое. Вслед за Стриндбергом

выйти в море, в этот неисчерпаемый кладень плодородия и любви, который есть источник жизни – и ее враг. Так кончается роман «В открытом море»¹⁰, глубокая книга, написанная в эпоху позитивизма и синтеза, на предпоследней ступени заката Запада. Последняя рождественская звезда шлет на землю свет трансцендентности и холода, не обещая ни рождения, ни смерти – речь больше вообще не идет о человеческой плоти. Звезда нынешнего времени – не Нексус, не Психология и не Судьба. Эта звезда – постоянство молчания, частотная шкала тишины. Она возвещает начало Армагеддона – без огня и крови, без преступления и наказания – на экранах мониторов знаки: светящаяся победа письменности, самого холодного из искусств, над слюной & гортанью; бетонные города и поля сражений на этой звезде суть излучения, не-органика – кремний, ультра-гуманоидный, наступление и упорядочение песка. Эта звезда – человеческий мозг, последнее открытое море – кристаллический Церебрум, кристаллическое духовное бытие: взлеты, отпечатки, перемещения в вышние зоны абстрактной конденсации, максимум эффективности при минимальной экстенсивности : ВИРУСЫ : меняющие восприятие ландшафтов привычного: – биологические: сексуальность, преобразившаяся в смертельную опасность для целых

⁶ Синапс (*греч.* *synapsis* соприкосновение, соединение) – специализированная зона контакта между отростками нервных клеток и другими возбудимыми и невозбудимыми клетками, обеспечивающая передачу информационного сигнала.

⁷ Спин (от *англ.* *spin* вращаться, вертеться) – собственный момент количества движения элементарных частиц, имеющий квантовую природу и не связанный с перемещением частицы как целого. (При введении понятия «С.» предполагалось, что электрон можно рассматривать как «вращающийся волчок», а его С. – как характеристику такого вращения). Спином называется также собственный момент количества движения атомного ядра (и иногда атома); в этом случае спин определяется как векторная сумма спинов элементарных частиц, образующих систему, и орбитальных моментов этих обусловленных их движением систем.

⁸ Гипотипоз (*греч.* отпечаток перед, впечатление перед), в риторике – живое описание, словесное изображение предмета, события так, чтобы слушатели представили его в своем воображении.

⁹ От *cerebrum* (*латинск.*) – головной мозг.

¹⁰ «В открытом море» (1890) – роман Августа Стриндберга (1849-1912).

континентов, И возросшая тяга к удовольствиям как ее болезнь; – электронные: компьютерные программы, инфицированные специально запрограммированными разрушительными элементами, в результате в США одновременно выходят из строя шесть тысяч компьютерных систем, воздушное сообщение экономика медицинское обслуживание денежный трансфер :катастрофа за несколько секунд –: обвал, продукты распада, беспорядочные светящиеся следы на осциллографических экранах; креативные функциональные поля при однозначно настраивающей на пессимистический лад фоновой текстуре – триумфы и распад, формообразование и разрушение Возвращение вписанного во все формирующие процессы хаоса : контрапункт духовности и: жизни; при этом отчетливо проявляются, как тление спрятанных под слоем золы угольев, первобытные контуры, пограничные линии вражды, разделяющей САМОГО-человека: здесь человек как духовное существо – там человек как белковая масса, наследственно-заблоченная студнеобразная, искривленно растущая к своей гибели –:завершенный орнамент в эпилоге Второго Фауста.– *И ничто не желает остаться в себе самом*¹¹: после восьмидесяти лет в *Полях Не-Блаженных*, после монашеского существования внутри Кремниевой эры – танцующий на острие бритвы, выродившийся из всех пространств ксиронид: в завершение своей миссии предшественника он, в телесном смысле, – соматист и гениталианец, одобряющий эротику, ибо она высвобождает силы для формотворчества: стилизации! Не *эту-жизнь* хочет он подвергать возгонке, а сечения своего *Я* – и для каждого элемента собственной самости найти соответствующее пространство : Здесь-Бытие есть обход-оплодотворение : ни с чем не бороться, всему позволять быть: из своих же сечений из связок между ними, после возгонки, – вливания в раскаленные изложницы Становления, от выкристаллизовавшихся набросков эндогенных картин И их Ставшего – к сущностному их Явленности : ФОРМЫ: АРХЕОЛОГИЯ САМОГО СЕБЯ : аммонитно¹² и: стратосферно, анубисно и: прозрачно, Пан и: Эфир, – Мир горит, так будь в нем Ты Твоим собственным пламенем – : Падать и: Подниматься, Мильтон: *Целый мир лежал пред ними, где жилье избрать...*¹³, И, значит, каждый бритвенный надрез имеет решающее значение.

Глава 6

*«На том море, где никто никогда
не крикнет: „Земля!“»*

Гийом Аполлинер

¹¹ Строка из стихотворения Готфрида Бенна «Поля Не-Блаженных» (1910). Поля Блаженных – одна из областей загробного мира в древнеегипетской мифологии.

¹² Аммониты – разновидность взрывчатых веществ и вымерший подкласс головоногих моллюсков.

¹³ Цитата из последних строк «Потерянного рая» Джона Мильтона. Перевод Аркадия Штейнберга.

Post mortem interregnum¹⁴

Действительно только слово

1

Во времена поощряемого роста человеческих масс под воздействием Само=разрушительных влечений актуальный страх *жизни* перед регрессом в неорганическое проявляется именно в неорганической сфере: как строительство и нагромождение *больших городов*. Окостенелые бастионы такого рода архитектуры – оказывающие защиту тому, что внутри, и губительные для того, что снаружи – носят характер заклинания; это последние храмы, в которых еще будет однажды принесена жертва – последнее, что останется для жертвоприношения (так было в начале истории и так будет в ее конце): загнанный в закут своих канонизированных достижений *человек*. Анонимность новостроек, возникших как обязательный знак необязательности и утраты умения говорить, порождает новую взаимосвязь между красотой и опасностью – засасывающий водоворот, силу которого, попав в один из таких районов, ощущаешь буквально физически. Эта конструктивность пустоты, то есть креативность с отрицательным знаком, состоит в близком родстве со смертью – и подобна зеркалу, всегда предъявляющему тебе в качестве упрека твое же лицо, или бликам на лице, на фотографии лица, которое в блиц-мгновение фотовспышки неожиданно вышло из-под контроля, оставив фотографу только светлый эквивалент ярости, пережитой его моделью : речь идет об экстатической пустоте, которая превращает наблюдателя в камень, воздействуя на него огнем и леденящим холодом Прекрасного.

2.1

Возможное начало. Сон. Вечером 1го числа этого месяца – под аркой старого столичного доходного дома. Жильцы столпились в червоточине лестничной площадки, ожидая домовладельца (ежемесячно совершающего обход с целью взыскивания арендной платы); на лицах людей – возмущение. Слишком долго они молчали, слишком хорошо знают 1-другого, + даже жалобы их поизносились настолько, что больше не нуждаются во взаимном подкреплении : Дому капут! Отсыревшие стены в подвале, прогнившие половицы, трубы с первыми же морозами опять начнут лопаться, туалеты – между лестничными пролетами – настолько тесные, что, пока справляешь большую нужду, упираешься коленями в дверь, и навряд ли сыщется хоть 1 стена без трещины шириной в палец –:Непригодная для жилья! Халупа! Жильцы, в мрачном расположении духа, ждут хозяина (–Эта свинья и пальцем ради нас не шевельнет, знай себе собирает денежки!) – ярость собравшихся уподобилась грозно нависшей туче в предгрозовых сумерках. : Сегодня Что-то? произойдет. Приезжает хозяин. Как всегда, на своем тяжелом мотоцикле, 900ом БМВ; в качестве его свиты, тоже на мотоциклах, – дочь + зять (–а молодому-то тесть кажный год дарит новый роллер : эти стервятники держатся друг за дружку). 3 мотоцикла с ревом въезжают под арку + втаскивают с собой в клубы дыма, как шлейф, шумы с улицы. Хозяин, в темно-коричневом кожаном костюме, в перчатках с отворотами + сапогах, голова спрятана под тесно прилегающим кожаным шлемом + мотоциклетными очками (его плотное тело напоминает прямо-сидящего

¹⁴ Посмертное междуцарствие (*лат.*).

кабана), заставляет свою машину взвять еще громче + и между расступившимися жильцами взлетает вверх по ступеням – людей уже не видно в облаках выхлопного газа. Оба сопровождающих, дочь + зять, остаются под аркой, переключают фары на дальний свет + освещают, 1о за другим, лица ждущих. Хозяин, на площадке 1го этажа: –Ну-чó? (Говорят, он едва ли способен произнести до конца хоть 1 фразу, о писании же и речи нет, зато по части игры в скат и подсчитывания доходов заткнет за пояс любого.) Люди пристают к нему с жалобами. Жалобы всегда одинаковые, соответственно, и ответ хозяина не меняется: –А чо я... Рабочих днем с огнем не сыскать. У меня лишних денех нет. КаЖЭУ¹⁵ тож не чешется. –Ты все гаражи во дворе себе заграбастал, хочешь обогатиться! – Хозяин: –А ты чо хошь?! Здеся в Восточной зоне: все люди становятся дерьмом. Если вам чо не нравится, советую: вмажьте ломом промеж дверей, глядишь, наш крольчатник и развалится сам собой! – Он смеется + собирается запустить мотор. Тут кто-то кидает в него горящую спичку – спичка, за время полета увеличившись до размеров факела, попадает точно в бензобак. В итоге домовладелец + дом = в огне. Все толпящиеся на ступеньках, словно по тайному сговору, бросают в домовладельца спички. Я догадываюсь, что именно моя, став факелом, разожгла пожар. У меня не была намерения сжигать домовладельца + дом + жильцов, но сейчас, видя языки пламени, я не испытываю ни смущения, ни грусти – хотя, конечно, догадываюсь: отсюда пора сматываться. В общем, я ушел от пожара.

2.2 Мать

Дитя

М. – Мать

Д. – Дитя (Зхлетняя Девочка)

После полудня. Теснота в арендованной квартире. М., откинувшись в кресле, начала читать книгу. Д. шумно играет в кроватке; хотя в это время ей бы уже пора заснуть. Чтение книги, которая М. нравится и очень ее увлекает, требует сосредоточенности; но Д. продолжает шуметь, и это мешает. Произносимые во время игры обрывки слов отвлекают М., ей приходится снова и снова перечитывать страницу.

М. захлопывает книгу. Встает. Подходит к кроватке.

М. тихо, но отчетливо, говорит: Я ПРИБЬЮ ТЕБЯ ДО СМЕРТИ.

М. мысленно говорит себе: или лучше отравить? или – расчленить?

Пауза

М. теперь ни на шутку рассердившись, шипит: Я ПРИБЬЮ ТЕБЯ ДО СМЕРТИ!

М. возвращается к креслу и садится, откинувшись на спинку.

М., с грустью и горечью, говорит себе: ничего такого не будет.

М., устремив взгляд в Ничто, погружается в свои мысли. Шум, устраиваемый Д., ей мешает.

Д., играя, говорит кукле:

–Ты у меня будешь

слушаться

сме-йся ! сме-йся

Ха – хаха Ха – хаха

М., последним усилием воли взяв себя в руки, поднимается, берет бумагу, карандаш И всё это записывает...

¹⁵ Коммунально-жилищное управление.

Я представляю себе, что захожу в 1 многоэтажный совершенно пустой дом, на окраине большого города. :Мадрида или Парижа (с верхнего этажа моему взгляду открылся бы тогда какой-нибудь знакомый район – Монмартр, может быть, – кичащийся благообразием уже отжитой истории, в то время как внизу, цветными искрами, как при коротком замыкании на электростанции, рассыпались бы дни и ночи). Или то была бы 1 из пирамидальных, круто уходящих в небо новостроек, возникших в конце государственной акции «Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Пхеньяне»¹⁶. : Дом – как и все прочие здания в этом районе, похожие на него, – так и не был достроен до конца. В какой-то момент, по каким-то причинам – может, потому, что строительная фирма потерпела банкротство или население города, то есть потенциальные жильцы, резко сократилось (что можно помыслить и в пассивном залоге), – поэтажный рост всех жилых домов приостановился на 1 определенном этаже: скажем, на 33м.

SERMO¹⁷.

Поверх этажей
уже штабелированного
фаустовского духа, кавернозных,
продолжения-
требующей арматурой Моньё
коронованный: Арденнский лес
из бетона,
застывший сейчас
в сизо-
багровых вечерних тучах
словами и фразами
Пустоты
– сломленно
– безнадежно
– беспасённо

:Да и что могло бы стать для нас *Спасением*? : Ландшафты? : мы слишком углубились в дебри умозрительных спекуляций и градостроительных программ, уже слишком поздно для *песнопений* и *настроений* – привыкшие к бульдозерным шрамам, мы волей-неволей движемся к Завершению, и в никакой дополнительной душевности нужды не испытываем.

:*Спасение* придет из памяти об умерших?: Жизнь наша стала слишком сомнительной, чтобы помнить о непреложных истинах. Из памяти о живых?: Смерть – слишком непреложная истина, чтобы мы могли помнить и о сомнительном.

:*Спасение* из утопий?: Питаться иллюзиями, такими как *Счастье* (ценниками на полках супермаркета) – но нам слишком часто приходилось меняться в угоду какому-нибудь=1ому мгновению, так что мы разучились распознавать правдивые лица в правдивых зеркалах.

:Жизнь и: умение наслаждаться жизнью, серфинг на волнообразной поверхности

¹⁶ Имеется в виду XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1989 г.

¹⁷ Речь (*латинск.*).

явлений? : при такой мысли уголки рта искривляются в горькой гримасе –:

– Зачем же умалчивать о том, как болезненно наше *Сейчас?*, о катастрофах *нашего* часа? –

Чего мы больше всего боялись, уже наступило – чего мы меньше всего хотели, мы сами на себя наклевали: С покрасневшими лодыжками вступаем мы в зиму, конца которой не будет; рисунок инея на наших губах запечатлел проклятия, выдуманные нами, чтобы обороняться от себя и от этих проклятий –

В пруды с золотыми рыбками и с кувшинками – ведь бывшее прежде никогда не исчезает по-настоящему – извергается рухлядь из наших просторных сараев; очередное поражение заставляет нас снова искривить рот, приподнять веки и таким образом вновь обрести почти-улыбку, в то время как по ту сторону лба, от рождения утомленного, занимает подходящее ей место тень Гоморры, впрочем, лишённая будущего: ведь Яхве удалился в иные джунгли, спасти рептилий и жуков, своих любимцев; нас Он предоставил самим себе – и ни единый час пожизненно длящегося *Сейчас* не будет прожит чисто, беспримесно –

Слишком усталые, чтобы усвоить мироощущение циников, мы заполняем Пустоту анекдотами, вредными напитками и грубыми развлечениями, подсказанными нам болью и знанием того, что связано с животным существованием человека; мы ищем *Спасения* в преступлениях и перверсиях : однако наши аффекты давно обнесены изгородью, все незаконное каталогизировано, подвергнуто медицинской систематизации И доступно по крайне выгодным ценам –

Наши одиночества состоят из трассирующих следов и колючей проволоки, *наш* ужас – окруженный кровавыми тенями войн, которые не знают ни побед, ни поражений и потому никогда по-настоящему не кончаются – зовется СКУКОЙ.

В этих сферах скрепленного узлами, отлаженного порядка все же находятся порой беспомощные чудаки, которые, правда, тоже не могут выбраться через ячеи, но хотя бы – по краям И где-то в поверхностных местах туго натянутой ловчей сети – 1м кусочком своего мозга, 1м фрагментом души высовываются наружу; И начинают искать собственный центр тяжести: над пустотой, на сквозняке полу-принадлежностей, в предчувствии холода совсем иных гибельных угроз, качающихся подобно маятнику, бесцельно и безымянно.

Пустой высотный дом посреди района пустых высотных домов мог бы быть и 1м из тех зданий в Хёэншёнхаузене¹⁸, к строительству которых приступили в последнюю очередь, уже после того, как люди этой страны перестали нуждаться в новых жилищах. Перестали то ли потому, что утратили инстинкт размножения, занявшись чем-то иным, то ли потому, что здешнее население – как случается со всеми непридуманскими поздними расами – вновь открыло для себя желание-удовольствие способствовать собственному упадку, одновременно наблюдая его, быть зрителями в театре собственного демонтажа. Все остальное, не заслуживающее даже последнего взгляда, – это осколочный мир, состоящий из заржавевших обид, из сперматозоидной кашицы супер-абортированных гарантий, а также из тех склонных к рецидивам неврозоз навязчивых состояний, от которых страдают как люди, так и животные других видов : В конечном остатке – четвероногие, птицы низкого полета, колебания

¹⁸ Густонаселенный новый район на северо-востоке Берлина, созданный по решению ЦК СЕПГ в 1985 г. Район был заселен в основном молодежью, но рождаемость в нем между 1987 и 1993 гг. сократилась с 2500 до 537 детей в год, а школы стояли пустыми, и их начали сносить.

низменного безумия.

SERMO.

Задумаемся еще раз о ритуалах отмеченных клеймом брачной жизни женщин, тех, что имитируют мятеж в своих

тиранических фантазиях, отваживаясь сделать шаг, пусть 1, за порог лесопитомника Боли, – прежде чем Превращение постучит к нам в
дверь, дверь

Единственного мгновения: наши вспышки ярости

суть стрелы, посланные в никуда и попадающие в тех, кто подвернется
случайно,

тогда как мы ежечасно измышляем мучения и пытки

для совершенно-Других.

Под брошенной костью Времени-жребия, возле Большого Перехода к дру-
гим реальным картинам,

Здесь-Бытие наше состоит из Вежливости, Презрения и Игры.

4

В овощной лавке на углу – молочный полусвет, проникнутый сочетанием компактных запахов: сладковатым ароматом, источаемым упакованными в ящики яблоками, – и другим, терпко-фруктовым, из картонных коробок с иноязычными этикетками: сквозь отверстия в картоне сияют мощными красками тугие апельсины. Эти фрукты – чужие здесь, словно мосты из иных миров, наполненных удовольствиями, ядами и смертью, о которых наша домашняя шкала нерешительного роста и бледных красок вообще ничего не знает, – подмешивают себя, как каплю духов экзотической дамы, к гнилостно-землисто-му запаху картофеля, к травильной едкости репчатого лука, подбитой влажной затхлостью бледных капустных кочанов. : Все это вплетается в совокупный аромат перезрелости, который веет навстречу входящему, обволакивая его ощущением приятного тепла. Человек догадывается о спелости плодов, хранящихся здесь, в месте культового почитания какой-то первобытной, милостивой богини полей; он чувствует, что имеет дело с чем-то замкнутым в себе и поздним, чему уже не грозят никакие жизненные ужасы И превращения, а только ужасы и превращения, сопряженные с тлением. Это аромат забвения. Вместе с тем в этой атмосфере вегетативных запахов ощущается нечто женственное – вдыхание таких запахов равнозначно, кажется, проводимому в тайне дознанию, легкомысленному шпионажу на чужой территории. Я и в самом деле обнаруживаю – вплотную к штабелю ящиков с пивными бутылками, многократно толкаемому спешащими мимо покупателями, но остающемуся неподвижным – тело, самую малость откинутае назад, однако застывшее в вертикальном положении : молодую женщину. Глаза женщины широко раскрыты, взгляд устремлен в Ничто, так что зрачки ее представляются тебе, помимо твоего желания, светлыми и пустыми, и ты бы не удивился, увидев, как тело этой женщины постепенно меняется, переходя от стадии прозрачности к растворению в воздухе и к окончательному исчезновению. Лишь наполненная апельсинами и другими фруктами сетка, свисающая из ее руки, остается последним весом и якорем, связывающим эту женщину с земным миром. Округло-тугие же формы апельсинов, наполняющих сетку, находятся в потаенной связи с полными губами

женщины – на тех и других лежит матовый отблеск, а поскольку женщина пребывает в редкостном состоянии бессилия, самозабвения и опустошенности, губы ее слегка приоткрылись. Снаружи – обычный день, пасмурно-дождливый и безветренный. Это канун Сочельника.

—АХ. НИЧЕГО.

—Я НЕ ПЕРЕНОШУ БОЛЬ.

—МЕРЗОСТЬ!

(щелканье языком)

—НУ ДАВАЙ ЖЕ, ДАВАЙ!

(шумный выдох)

—ВСЕ ЭТО ТАК НЕ-РАДОСТНО!

—ЧТО С ТОБОЙ?

Утром проснулся с желанием смерти. И всерьез вознамерился себя убить. Утро не допускает отчаянья; приступы отчаянья — сумеречные приведения более поздних часов. Мое решение избавиться от себя не было созревшей мыслью — вообще не было мыслью, — истоки его таились в затененных ущельях *ее* страсти и *ее* тотального бытия. Я обратил к этой женщине беспощадность моих признаний — она ответила мне беспощадностью своих; мы с ней говорили о *страсти*. После опьянения, на другой день, — холод. На другое утро, о котором я говорю. Холод — потому что такое состояние духу ближе, и потому что он, дух, не желает со страстью искать ни объекты для своего влечения, ни реликвии. Да он бы их и не нашел. Поэтому страсть И опьянение всегда возвращают того, кем они овладели, к нему=самому. Освобождения посредством катарсиса-любви у мужчины, охваченного любовной страстью, не происходит. Все его трагедии заканчиваются в 4м акте И с упорством нон-стоп-кино постоянно возобновляются — среди шума железнодорожного вокзала.

В то утро, о котором я говорю, я с полной ясностью осознал, что взял ипотечный кредит — при том что я некредитоспособен и расплатиться не смогу никогда. Иными словами: Я приблизился к своему внутреннему ядру, к пустоте.

Такого рода встречи возможны только вне времени. Говоря же его неточным языком: *В-любое-время*, сделав всего несколько шагов, я могу спуститься по ступенькам в самые нижние помещения, в фундамент, туда, где стены постоянно влажны и где мутные лужи неясного происхождения заполняют впадины и углубления в бетонном полу. Это — подвалы новой инфантильности.

—В МИР ВЕДЬ ЯВЛЯЮТСЯ НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ РАДОВАТЬСЯ!

Так вот и пришло в то утро, о котором я говорю, решение убить себя, от тоски по

В моем представлении этот доставшийся Незавершенности и Упадку высотный дом, к которому я с трудом приближаюсь по пересеченной рытвинами строительной площадке, имеет 2 входа – на уровне изуродованной земли. В окаменевшую сейчас и лишенную растительности почву глубоко врезались следы автомобильных шин; когда наступит пора жидкой грязи, эти 2 подъезда, скорее всего, будут вообще недоступны. Обе двери выглядят совершенно одинаково: номера подъездов и таблички с именами, расположенными параллельно звонкам, отсутствуют, из-за чего возможность выбора и ориентации сильно ограничена. Добравшись наконец до левой двери, я пробую нажать на кнопку – дверь распахивается, я попадаю в подъезд и в запах влажного строительного раствора и цемента. И уже не удивляюсь тому, что световые поля возле лифтов исправно показывают номера этажей, на которых в данный момент находятся кабины. Мне кажется, будто внутри этой пустой многоэтажной башни я слышу гудение тока в электропроводах. Но может, так шумит ветер в своем лабиринтном кружении вдоль пустых коридоров и переходов, во время подъема вверх по вытяжным шахтам. Я нажимаю кнопку вызова лифта – дверь сразу открывается : передо мной светлó освещенная кабина, я захожу в нее, неизвестно для чего читаю таблички с указаниями максимально допустимого веса груза и количества пассажиров. И понимаю, что число будто бы доступных для выбора этажей – 45 – не соответствует действительности; я ведь уже установил, что строительство прервалось на 33м этаже. Я медлю, не зная, на какую кнопку нажать, какой из уже готовых этажей посетить. Для моего намерения подошел бы любой из имеющихся 33 этажей, я вообще мог бы остаться на 1м. Но что если в пустом высотном доме обнаружатся особые этажи со своей тайной жизнью, некие ареалы запретного – отдельные или объединенные в группы? Написанные спреем, на бетоне, цветные фразы я видел еще раньше, в подъезде, а также на стенах вестибюля и вдоль лестницы:

ТЫ СЛИШКОМ ГЛУП ЧТОБЫ ТРАХАТЬСЯ
 ХУДШЕЕ ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЭТО
 ПОЛУЖЕСТКИЙ ХУЙ
 ИНГА – СТАРАЯ КАРГА
 Я НЕНАВИЖУ СВОЕ ТЕЛО
 НЕ МОГУ ВИДЕТЬ КАК МУЖИКИ ПЛАЧУТ
 Я ХОТЕЛА БЫ БЫТЬ МУЖЧИНОЙ

SERMO.

Те, кого считают обиженными, сами живут без храмов и солнц, живут безбожно, на грязной обочине какого-то мира, где находится место для запахов и жестов записных убийц; их мифы, смешанные из краденых красок и ставшие словом, так же серьезны и опасны, как шутка Первого, кто дал им жар, тавро и пустоту вослед-зияния. Так саранча и скорпионы овладевают брошенными поселениями исчезнувших гордецов.

Величав этот праздник урожая, имитированный: боги и разбойники, монахи и педерасты, необходимость и свобода, стыд и сожаление, слезы и секреция желез, дух и привидения –

Величав, в своей склонности к имитации, такой-конец: прибывающая пена, паводок, принесенный им мусор, между пузырьками пены и навозной жижей Что-то еще хочет дышать – зародыши потенциального будущего : Химию бы на них! Нейтрализацию! Токсинемия! Слава Богу, что у нас есть опыт газовых камер! –

В моем представлении я колеблюсь в миг искушения, не решаясь выбрать кнопку с цифрой 45, то есть этаж, которого не существует : Выполнит ли лифт заложенную в нем программу, проигнорирует ли тот факт, что строительство прервали на 33м этаже, последует ли электронному смертному приговору и выбросит меня вместе с кабиной в шахтное отверстие-наверху, как пулю из ствола винтовки? В моем представлении я прихожу в восторг от такого представления, однако реализовать его не отваживаюсь: моему намерению здесь, в этом месте, быстрый конец не соответствует. После того, как я нажал на кнопку – с цифрой 16, – дверь мягко закрылась; секундное головокружение – и лифт начинает подниматься, но в тот же момент электрический свет в кабине, мигнув, гаснет. В совершеннейшей черноте, во мраке лифт вместе со мной несется вверх по бетонной шахте – – –

6

«Комично, что красивые вещи всегда как-то связаны с движением» Пина Бауш¹⁹

Ночами и днем, и в любое время, одно и то же видение нон-стоп: 2 фигуры – Мужчины? Женщины? Мужчина-Женщина? Женщина-Мужчина? :фигуры без лиц, серые, точнее, совсем бесцветные, как поля, из которых они пришли – из Ничто 1 фигура, медленно бредущая; другая фигура из Ничто, медленно бредущая; обе фигуры из своих Ничто медленно бредут навстречу друг другу, по ровному ландшафту или по просторной сцене; земля, по которой обе фигуры медленно движутся из своих Ничто, остается скрытой под плотной полосой тумана, достающей обеим фигурам до колен; туман искусственный, если эта сцена разыгрывается на театральных подмостках. Обе фигуры идут с поднятой головой, прямо навстречу друг другу, как если бы речь шла об одной 1, о 2х 1х. Когда каждую из них отделяет от места столкновения лишь 1 шаг, обе фигуры внезапно скидывают руки, как если бы хотели упасть на шею друг другу. Возможно, земля под туманом – ухабистая и предательская, а продвижение по ней, даже медленное, трудно и сопряжено с опасностями. Может быть и так, что обе фигуры идут друг к другу по узкому мостику над неисследимо глубокой бездной, и сейчас в момент столкновения каждый из 2 столкнет другого в бездонную пропасть, сам того не ведая и не желая, – просто из-за сомнительности любой помощи, из-за того, что любое объятие оборачивается недоразумением. Возможно и то, что обе фигуры движутся по топкому дну какой-нибудь лужи, неглубокой трясины или озерца – туман препятствует ясности в этом вопросе, – и каждый шаг по такому пути сопряжен со страхом, что ты утонешь. Отсюда – внезапное скидывание рук обеими фигурами, в 1 и то же мгновение двух приступов страха, И жест, истолкованный как попытка объятия, в действительности может быть усилием сохранить равновесие и прямохождение –:– но вот уже обе фигуры сталкиваются, фронтально и со всей силой, придаваемой удару медленным прямолинейным движением их обоих, с силой, которая в момент столкновения добавляется к скорости движения каждой. После этого обе фигуры падают, 1=каждая в ту сторону, назад, откуда пришла – как они обе ударились о ровную землю или об доски просторной сцены, я

¹⁹ Пина (Филиппина) Бауш (р. 1940) – немецкая танцовщица и хореограф.

уже не вижу : видение, словно порвавшаяся киноплёнка, резко обрывается, чтобы тотчас начаться снова, с самого начала. Всегда ли обе сближающиеся фигуры, бесцветные и безликие, приходящие 1=каждая из своего Ничто, одни и те же, значения не имеет, поскольку они одинаковы в моем нон-стопе – по ночам, и днем, и в любое время

7

SERMO.

Внутри мчащейся вверх темной кабины лифта.

Ошибочность предположения, будто жизнь это еще Больше ужаса, будто мир это еще бóльшая мера хаоса, – возникающего, как только мрак заставляет закрыться наши глаза:

Как 1 искра без огня
Как губы без цветового тона, дрожащие –
безголосые разговоры с самим собой, зеркал
гимнастика для речи и ропота
Как пальцы гитариста, играющего
на дуновениях воображаемых струн,
Как рука друга, в кулак
сжимающаяся, лицо друга
избравшая себе целью –

Сном и слепотой мы выплачиваем миру какую-то часть
перерасходованного нами кредита
в валюте мучеников, распятых, выпотрошенных, подвергнутых
вивисекции;

то и другое придумано, чтобы заглядывать в шахты колодцев,
где по-разному преломляется свет

оттуда, когда-нибудь, раздастся смех тех, кто отчаялся, –
изможденный, замерзший, веки и губы формующий –

на долю выпадет нам –

Наши темноты имеют ценность: они находят способ упомянуть

1 прожитый день.

Разговор о «нас» и о «мы»: с точки зрения гласных, их взаимодействия с особым звуковым полем согласных. Властное «А» – «Ы»: землистого цвета «Ь», с приставленным к нему фаллическим «І», – двойной вектор «М» наглядно показывает попытку падения отчаявшихся или Магическую Чашу, Дол Тьмы для мужчины и женщины, для их короткого вскрика и взаимного влечения после долгой разлуки, пережитой вынужденно, вопреки их желанию. Если бы я искал смысл в извилистом орнаменте букв, мне пришлось бы говорить «йй-а», писать «я»: вновь и вновь записывать этот задыхающийся скрипучий звук, вновь и вновь проговаривать – на смертном одре Единичного в час завершения его единичности. Последнее мое свидетельство – ритмы И звуки – после, может быть, кто-то найдет более красивый звук, чем «ЙЙА».

8

В моем представлении подъем кабины теперь застопоривается, кабина, тряхнув меня, останавливается, свет внутри опять вспыхивает (хотя цифры – номера этажей – не высвечиваются), дверные створки распахиваются, предоставляя возможность выхода на неизвестно какой этаж. На стенах-снаружи цифры, обозначающие отдельные этажи, тоже еще не указаны. Попал ли я, как хотел, на 16-й, или на какой-то другой, соответствующий сбою в программе, случайный этаж? Поездка, кажется, была слишком долгой для всего только 16 этажей, но, когда мы в темноте, время в нашем мозгу не имеет светящегося циферблата. Выйдя из кабины в длинный тянущийся в обе стороны коридор, я сразу попадаю в стремительный поток устрещающе теплого воздуха.

Потоки воздуха надо мхом, перегретым солнцем, в летние дни:
под тенью утра стоять, прислонившись к вниз
неспешно уходящему склону, тогда как там-внизу, в котловине, –
деревня, которой шаги эти ни к чему
Псы, сельские муэдзины, лаем вещают Суры Собственников
Груболицыые дети – со сказочной обстоятельностью – лягушек
и рыб живых со смехом режут на части: там, где под скрип
дверей и калиток солидные взрослые, руки-как-крюки,
влачатся в своей неизбывной ночи и где даже памятные всем
главные слова
забот, уловимых сетью речи, лишь подражают простоте
того самого Здесь-Бытия,
быть верным которому все мы давно разучились.

И вот, замерев в блаженном трепете перед теплом, по ту сторону от всех прикрытий из собственников & долга, себе=самому предоставленный – глаза закрыты, руки свободно свисают вниз, пальцы растопырены, – я долго вслушиваюсь в текущие песнопения ветра, несущегося по своим рельсам сквозь бетон, себя же ощущаю бестелесным, летящим сквозь мир теплоты туда, где все места уже заняты, где мой сосед поспешно шепчет какие-то слова 2му лицу И из взьерошенных ветром волос вычесывает кипарисовый час, словно предательские соломинки – из игровых полей.– Открыв наконец глаза, я вижу над собой, на поперечной бетонной балке, поддерживающей потолочную конструкцию, следующее предупреждение, выписанными по шаблону буквами:

**ВЫ ПОКИДАЕТЕ БЕЗОПАСНЫЙ СЕКТОР
ВЫ ВСТУПАЕТЕ В ОБЛУЧЕННУЮ ЗОНУ
УЖЕ ПОЛУЧИВШИХ ОТВЕТЫ ВОПРОСОВ**

Умершие далее не несут ответственности за своих детей!

Цвет букв – темно-синий – еще сохраняет свежий блеск, как будто надпись закончена только что. А на боковой стене длинного безлюдного коридора на уровне моего лица висит плакат (дотронувшись, я убеждаюсь: его прикрепили сюда недавно, он совсем новый), текст которого наводит на мысль, что в обнаружении данного сообщения заинтересована некая высшая инстанция:

ОБЪЯВЛЕН РОЗЫСК!

*Разыскивается: другое слово для
Сопричастности.*

Двинувшись в моем представлении дальше, по направлению тяги потока теплого воздуха, я прочитываю и другие надписи на бетоне. Но они, кажется, были нанесены в спешке, с помощью спрея и такими шрифтами, какие характерны для нелегалов и конспираторов:

*Здесь Вы можете написать фразы, реальные соответствия которых
внушает Вам СТРАХ!*

И я не первым попал на этот этаж. Следуя призыву, нанесенному краской из баллончика, какие-то неизвестные уже оставили здесь свои признания. Возможно, потом они продолжили путь более легким шагом и с разгладившимися лицами – что бы ни ждало их впереди. И теперь я вижу под рукописными надписями 1 надпись, И теперь читаю под анонимными признаниями 1 признание, которое не кажется мне чужим, отголосок которому я нахожу в себе: надпись и мысль женщины, чье прикосновение открывает для меня магию эроса; женщины, которая легкими шагами преодолела скучный Ничейный Путь через пустыню обыкновенного подверженного переменчивым настроениям Я, этого уже не способного на насмешку потомка Терсита²⁰, – преодолела, направляясь куда? Сюда и через Сюда наружу: подчиняясь редкому голоду, не нуждающемуся для своего утоления ни в хлебе, ни в вине; голоду, от которого мороз пробегает по ключицам, когда, с еще далекой бурей за спинами, пустыни, переливчатые воздушные миражи их лиц и теней, пускаются вдогонку за тобой, пытаясь схватить – МНЕ ВНУШАЮТ СТРАХ БРОСАЕМЫЕ НА МЕНЯ ВЗГЛЯДЫ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ – МНЕ СТАНОВИТСЯ СТРАШНО ОТ НЕПРЕРЫВНОГО СМОТРЕНИЯ ТЕЛЕВИЗОРА – Я БОЮСЬ ПЛАВАТЬ В ГЛУБОКИХ ВОДАХ КАК ДНЕМ ТАК И НОЧЬЮ

SERMO.

3 страха, которые твоя голова доверила этой руине Иерусалима, хотя и догадывалась, что анонимные любители здешних достопримечательностей – без капюшонов, зато с мигающими полароидами, свидетелями их внутренней раздерганности – не снимут солнцезащитные очки, не пожелают даже временно отключить пронзительные мобильные телефоны. Я еще вижу, снова, твои стены в твой все еще юный час – но час этот уже торпедирован подписями страха и скуки, выведенными кислотными чернилами, смесью уничтоженного холодом детства и того жуткого Молчания, что темнó шагает рядом с тобой по безлюдным городским улицам, в ночную пору; И летним липам приходится лечить, обилием цветочной пыльцы, которую ливень сбрасывает на бездушный камень, твои царапающие шаги по асфальту, когда ты одна возвращаешься домой после мимолетного момента радости. И в подъездах минутные вспышки света снова бросают к твоим ногам блеклые сумерки-знамена, так что даже твой Вечный-Сопровождающий не заметит еще 1 горькую складочку у тебя возле рта – а она теперь не исчезнет, даже если пчино-пушистая теплота утреннего солнца даст тебе вдоволь надышаться светлым блаженством. Эдем это ватная эпидемия, жар лихорадки воняет сакральными мусорными баками, сжигающими все то, что люди швыряют в их жестяные пасти: игрушки и кукол, которых когда-то почитали, посылали за счастьем. Нам необязательно знать, чем мы должны были быть, – мы знаем, что мы не стали тем, чем могли бы стать.

Пока иду по коридору – на полу светлые четырехугольники света, с регулярными промежутками, падающие через квадратные отверстия в потолке. Подняв глаза, я вижу багрово-сизые сегменты неба с четко обрешеченными дымными фигурами, в бетонных рамках. Теперь я понял, что нахожусь на последнем завершеном этаже, 33м – надо мной платформа с чашей торчащих вверх железных стержней. Где коридор поворачивает, лестница без перил

²⁰ О Терсите в «Илиаде» сказано:

Только Терсит меж безмолвными каркал один, празднословный.
В мыслях имея всегда непристойные многие речи
Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность
Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.
(Перевод Н. Гнедича.)

ведет наверх, на платформу. Я знаю, что в моем представлении, в соответствии со следами надписей на бетоне, здесь-наверху должна произойти ВСТРЕЧА. Мы узнаём друг друга – И останемся друг для друга чужими, для которых не может найтись пространство на-двоих. Итак, место, где обретут зримый облик все мои представления + мысли о *Другом*, располагается именно здесь: в статичном, на платформе одного из недостроенных высотных домов посреди пустыни недостроенных высотных домов, в которых никто не нуждается и которые не нуждаются ни в ком, на окраине некоего большого города.

9

Где встреча, там же растет демоническое²¹.

В моем представлении теперь обе фигуры на платформе сквозь неподвижные заросли ржавых арматурных стержней узнают друг друга. После того как довольно долго они простояли неподвижно, каждая на своем месте, фигуры начинают двигаться. Сходятся ли они? Расходятся ли? Или каждая движется сама по себе, по собственной орбите, причем каждая выбирает в качестве центра движения другую фигуру, так что обе они вращаются по круговым орбитам, каждая кружит вокруг другой и вокруг себя, не приближаясь и не удаляясь, в постоянном ритме пешего хода. Время от времени, намеренно или нет, 1 или другая фигура дотрагивается до торчащих из бетона железных прутьев, сообщая им импульс к раскачиванию; в результате раздаются звуки различной гулкости, как если бы кто-то ударял по басовым струнам, И этот гул сохраняется еще некоторое время, пока ветер, шумящий в чаще железных стержней, своим 1-тонным рокотом не перекроет снова все прочие звуки. И вот обе фигуры начинают говорить. Фразы, соответствующие их действиям. Остановке. Движению. Приближению. Отдалению. Остановке. :1-каждая фигура соединяет буквы в слова и фразы, лепя их из собственной пустоты. Пустоты, о которой она ничего не желает знать, как не желает ничего знать и о пустоте Другого. Слова и фразы – по ту сторону снега и зимы, на ледяном берегу над холодом, но ниже дна Моря Страха; они произносятся со слегка приоткрытым ртом; изнутри голода, затаившегося в нутре, изнутри желания обладать кожей и плотью Другого – в магнитном потоке долженствования, уже клонящегося к закату с его тихими огромными знаками Страха и Страха-перед-повторением-страха; говорящий смотрит в ничто или *Просто-Всё*. Время близится к вечеру, до Сочельника остается не так уж много часов, когда фигуры начинают говорить.

²¹ Переиначенная цитата из стихотворения «Патмос» Ф. Гёльдерлина: «Где опасность, однако, там же растет и спасительное».

<p>–«Мысли свободны» – но куда нам податься с этой свободой? В пустыни ли неведомых земель, в тихие джунгли зеленых теней полудня, или на поля зеркальных сражений между чужими образами и чужими объятиями, которые без слов трепыхаются своей глухонемой жизни, близкородственной Пред-виденью и Ничто. Мир зеркал – это Анти-Мир по отношению к нашим колебаниям и качесмиям</p> <p>Это игра, предшествующая нашему унижению – скукожившимся видениям, постоянно готовым к удобному компромиссу с фантомом повторения, с глупым страхом перед действительностью, – волны нашего мира застыли.</p>	<p>–Море замыкает слова своими ритмами; песнопения наших одиночеств – не хоровое пение, даже если мы гордо вышагиваем, подражая чайкам, и ускоряем шаги, надеясь, что выигрыш 5 минут будет спасением; валчность наших телесных джунглей – ребячество, и солнце печали освещает все, чем мы владеем. Застигнутые врасплох, мы вновь оказываемся брошенными в нас, в <i>Мы</i> (что бы это ни означало), в мирный возвратный поток, увлекающий за собой обломки раковин и гальку: в теплых краях, где Здесь-Бытие смогло бы быть к нам благосклоннее, содрогаясь голой кожей под солнцем, после недавнего урагана, мы впитываем тепло, как шкурка заснувшей молодой кошки.</p>
--	---

–Ибо так называемый *Другой* – –

–Ибо так называемый *Другой* – –

у него те же ландшафты в конце

у него те же мраморно-пестрые радости, только

долгого пути, та же грязь и то же отвращение к жизни,

в чуть ином освещении, что странно + элементарно,

те же язвы, постепенно умножающиеся,

тогда как вокруг него с таинственно-важным видом

сердечная недостаточность, слабость, простуды, мозоли

воздвиглись дымчатые стены тумана, ожидая

– тут мы вступаем в интимную область, в тематический круг,

ветра и слов или, может быть, – что какое-то море

интересный многим: социально-значим прежде всего язык,

нахлынет, море, когда-то поглотившее Атлантиду

связанный с болезнями и журналистскими испражнениями.

и не изменившееся, оставшееся бесформенным, как

Что открывает дальнейшие перспективы: на жизнелюбивых

и его Поллукс, огонь, – с изобилием своих мертвецов;

вредных духов, покраснения кожи и цистит, игральные карты,

туман ждет Бриза, который нам сразу

выкладываемые на стол, в козырях бубны, следует также

весь ландшафт наших страхов и подстраховок

учитывать, что судьба наша связана с закручиванием гаек, Бог

раскроет. Многое уже было написано о

их и закручивает, а еще надо понимать, почему же в итоге

душевном-одиночестве в здесь-бытии человека

возникает разьединенность : собственная твоя бездна

разного рода; заклинания, знаки,

и порождает твое одиночество, непоправимо-отдельное, –

слова 1 звучания 1 способности к различению и обману

книги об этом умалчивают, костры оракулов

озвучивали одиночество из бездн каждого отдельного Я.
гаснут, как горящая щепка в колодезной темноте

Ибо существующее в 1чности всегда готово к грабежу,
бездны НеЖданного; поднимаются оттуда лишь дым
к иному пониманию Пустоты после удачного воровства.
и звук : такая вот эхо-геометрия, тогда как темные свечи

Отсюда – монотонная музыка нашего Слишком-Поздно.
выплакали все световые слезы в напряженной игре Не-
Вспоминания.

После того как они друг другу – каждый сам себе и Другому – дали имена, а неведомо-Непостижное связали сакральным способом, то бишь вообразили себе, оба начинают покидать свои орбиты (любопытство вынуждает стать рабом); И, отважившись на этот 1й шаг, побросав щиты нерешительности и стыда, предпринимают попытку сблизиться. И сразу то, что началось как хождение, превращается в танец, в предварительную пробу сил: рука к руке, миниатюрные волоски тянутся навстречу друг другу в поверхностном ознобе эротического возбуждения; ладонь к ладони, каждый спешит, подчинясь магнетическому дурману и неутолимой зрительной тоске, изучить синтаксис чужих капилляров, обрести право на снятие покровов, на свободно-радостное передвижение по холмам и извилистым дорогам того сверх-возвышенного ландшафта, что воплощает символику обнаженного человеческого тела.

<...>

Ученые до сих пор не пытались выяснить взаимосвязь между словами и светом. (Возможно, осознавая бессмысленность такого рода проблемы, они дистанцировались от нее потому, что не хотели и далее следовать вдоль потока Ненужного, и без того пересекающего их владения. Ведь забота о безопасности – 1я заповедь во времена, когда водоносы И сутенеры предпочитают являть себя в таком двойственном освещении.) Свет описываемого дня – а речь все еще идет о раннем вечере Сочельника – мало-помалу меркнет ; фразы обеих фигур, находящихся на платформе, укорачиваются. Этим 2им вообще становится все труднее распознавать друг друга. И хотя слышит 1=другого не хуже, чем прежде, они, в этой чаще железной арматуры, сближаются снова и теснее, чем в последний раз, – подчиняясь редкостной потребности в согласованности слов и света.

Оглядываясь назад на времена тех *игр*, когда мы
еще не умели назвать свои действия этим словом
И боль, которую без стеснения окликали по имени
(еще не раненые в тайном центре нашего бытия,
еще с расчетом на скорое утешение), скромно
становилась нашим товарищем –

Вслушиваясь задним числом в чуждые нам слова,
подслушанные у бормочущих предков, у смерти,
у душ (зимой, возле чугунной плиты), или у бури,
когда ветер самозабвенно кидался в пыль дорог,
и гротескные призраки, хлопая рамами и дверьми
совершали свои ужасные полеты –

Переживая заново моменты друидических клятв
под ивами, среди высокого камыша, – был
вечер и лето, умирая, вдавалось в осень, когда
мы печать поставили: «Больше не будем одни,
всегда вместе», – И втайне чувствовали уже, как
поднимается в пах желания зуд –

Именно там туннели нашего *страха* – исток той тени,
что стрелкой церковных часов ложится на циферблат
податливого, как глина, лба. Еще веря посулам давней
клятвы, теперь вновь слышимой, мы впервые и горько
плачем
над тогдашним *разочарованием* – запальным шнуром,
протянутым через железнодорожную насыпь.

Первые потери оставляют неизгладимый след:
этот просто уехал, другого не оказалось на месте,
кто-то еще опоздал или, едва появившись, ушел –
а как раз от него, и давно, зависела твоя радость.
На фоне ручки запертой двери отчетливо виден
голубой меандр, вписанный в белизну твоей руки,
пока звонок эхом отдается в недрах опустевшего –
без друга – дома

И игра, и самостоятельно выдуманное заклетье
султана Селима
бессильны – как ветра порыв или пыль под дождем
сочувствия к самому себе
На дороге к дому один. Одиноко отыгрываешь само-
выдуманное небо, куда пёстро шары поднимаются,
чтобы там невидимо умереть.

Пафос ранних лет не может остаться – без следов насмешки – в фундаменте нашей ничтожности. Даже если контуры ранних страхов побледнели и погребены под трупами других бед – в степях ночных кошмаров, перед пятнистой шкурой Гиены-Времени гнойноцветный свет звезд отбрасывает тени на тюремные клетки само-восстановления, где фаустан²² и предписания на все случаи жизни производят покой И скучающие пальцы легкомысленных рук шумно перебирают прутья решетки, прутья действующих параграфов, так что эти звуки делают ночь ясно=слышащей, как если бы зубчатые колеса автоматических молитвенных мельниц перемалывали человеческую плоть в пригодные для использования гексаметры –: для 1 праздника, который всегда повторяется, со знаменами-И-фейерверком по вечерам, в соответствии с драматургией американских гангстерских фильмов, Jubilate²³ для самоновейшего Мессии в духе надзирателей-капо²⁴. Однако сегодня Сочельник (старому Богу, наверное, надоело каждый раз смотреть, как мы снимаем носки или расстегиваем

²² Успокоительное и снотворное средство.

²³ Ликуйте (*латинск.*). «Радуйтесь, ликуйте» (Exsultate, jubilate) – название мотета В.А. Моцарта.

²⁴ Капо – заключенный в нацистском лагере, надзирающий за группой других заключенных.

пуговицы), И мы не хотим остаться без подарка. Вернувшись на перекресток Перво-Времени, мы попробуем подкорректировать на 1 вечер то, что уже навсегда вышло из-под нашего контроля : *Давайте обманем то, что делает нас нами* : ужасы и тюремные застенки Сексуальности, этой первопричины бед и богов, учащенного дыхания И тайных=страшных=возбуждающих ритуалов – – :Обмануть ее, на 1 нарциссический час Превращения, это, возможно, и есть счастливый удел.

9.1

И они не первые на дорожках сквозь Купидонову рощу. Воскресенье лениво разлеглось на пропыленном газоне. Сад земных наслаждений – луг с кофейнями в Панкове²⁵; на нем маленький кремового цвета киоск – здесь потеющие аркадские пастухи выстроились в очередь за пивом. С эстрадных площадок и из проигрывателей разносится духовая музыка, И дети, пестрые как бестии, – дань, принесенная их матерями смерти – с полным осознанием своей безнаказанности ужасно=весело носятся вокруг меньших по размеру собак, И чудовищным становится звучание речи, как только эти дети называют себя *детьми*. На садовых стульях перед лупанариями, под тентами, – Венеры-по-должности, кушающие куски торта со взбитыми сливками и со смехом обменивающиеся полезными сведениями об искусственных мехах, в то время как пьяные Эросы, лепечущие так же невнятно, как обезьяны или пивная пена во рту, громко оплакивают судьбу, связавшую их с никогда-не-хотящими *нюмфами*. Высокие буки, шумно дыша, стряхивают с себя понятливые зеленые тени в пыль: туда, где тела столичных жителей – бледные, давно отлученные от солнца, обложившие луг, словно грязные облака, И уставшие от мистериального представления, в котором речь идет о давно раскрытых тайнах, – все-таки принимает позы, соответствующие некогда опьянявшей людей темной игре.

Празднуется день рождения супруги ШЕФА, лемура-парвеню, которого пыльная буря необходимости – только потому, что старым династиям пришел конец и ненависть, в мятых банкнотах инфляции, беспрестанно переходила из рук в руки, от Имярека к Имяреку²⁶, – вознесла на нестабильный трон Пустыни. Теперь время Сидеть & Править, в 1 руке у него пильзенское пиво, в другой – соломинка из степи, грифель власти; И тихие повеления, касающиеся НеЖизни и НеСмерти апатичных подданных, падая из его рта, будто трава, срезанная мачете, тут же ввергают в должностной раж серые рати бухгалтеров & бюрократов. И на жирном лице Протектора женственно-красные губы раздвигаются заметно шире: сейчас, когда он наблюдает, как собутыльники его власти, секретари И заместители – больные желудком, кандидаты в самоубийцы, выпрашиватели теплых местечек – целый вечер неумело поют и танцуют непристойности, будто бы чтобы ублажить супругу ШЕФА –на самом же деле петь их заставляет страх перед другими собравшимися здесь бестиями (Пока поют, они не могут убить), а также желание выторговать себе еще 1 час утоленного СластоВластоЛюбия. И вот в умеренно-поздний час они начинают, сворачивая на темные дорожки, расходятся по домам; на лицах – следы изжоги и кислой тоски, как у старых провинциальных актеров, которые мечтают сыграть ГАМЛЕТА, но: из-за своего таланта к характерным ролям постоянно фигурируют в программках как безымянные герои, в строке «Посланцы, слуги и другая челядь». Догадываясь о ничтожности и ложности своего положения, но зная, что любая попытка прекратить это, то есть выйти из Системы,

²⁵ Район в Восточном Берлине.

²⁶ «Имярек» (1911) – пьеса Гуго фон Гофманстала (1874-1929).

немедленно навлечет на них ярость нижестоящих, они все же предпочитают такое бытие – без пощады и благодарности – быстрому низвержению в сферу трудящихся масс и фабрик. Мы, стоя на берегу этой Комедии, с самого начала не поддались обману: нас не опьянили ни щедро разливаемое вино, ни сухое остроумие, ни флейты *кинедов*²⁷, призывающие вступить в общий хоровод. Заглянув в черное зеркало реки и опустив руки в быстротекущий поток, до дна которого было не достать, мы заклинали мысль, этот ветер в наших головах, отыскать образы, которые действительно нам желанны, – чтобы близость таких картин помогла постичь наши дали – – – –

9.2 Превращение в Арденнском лесу²⁸

*«:– но вот уже обе фигуры сталкиваются,
фронтально и со всей силой, придаваемой
удару медленным прямолинейным движением
их обоих»*

Теперь я узнаю, куда они падают, эти привидевшиеся мне существа, – ночами, и днем, и в любое время нон-стоп

Падают в огромную лУУжу – бетонная мульда платформы полностью затоплена, превратилась в мутное=неподвижное болото из талого снега и дождевой воды, с илистыми табачного цвета разводами, образовавшимися из-за промышленного загрязнения воздуха, – между досками И кирпичами застряли пивные бутылки, консервные банки лопнувшие мешки с цементом, как трупы, скопившиеся перед закрытым шлюзом. :Точная копия пришедших в запустение бассейнов посреди садовых руин при особняках новых богачей в Панкове или Бисдорфе²⁹ – сохранявшихся и после того, как *Все-оттуда-умотали* –:Междущарствие: – И долго еще ждать, прежде чем восстановится естественность самостоятельного мышления и: бытия.

Сперва наше тело было другим. Родственным
Солнцу Луне и Земле в 3 равных долях,
от каждого из этих небесных тел наследуя
1иный облик 3х тел – шар. И еще наследуя
от всех 3х небесные силы – в теле и в
духе.

Итак, Мужчина и Женщина и Третье видели
соединенным в-себе Первое и Второе, были
муже-женственными. Мир Человека представал в

²⁷ Гомосексуалов (*древнегреч.*). Это слово вошло в немецкий язык после того, как Бисмарк назвал ближайшее окружение Вильгельма II «камарильей кинедов».

²⁸ Арденнский лес – место действия комедии У. Шекспира «Как вам это понравится».

²⁹ Район в Берлине.

удвоении:

4 руки, 4 ладони, 4 ноги
2 лица, 2ной половой орган – и так далее всё
что разделено нынче, когда-то было у2ным и
единым –

Но тем, кто правит, невыгодно, когда царит
радость
в кругу их подданных –:будь то радость от
мыслей и прозрений
или от дружбы и эроса:– чем сильнее Последние
тем слабее Первые. Вот эти и измыслили средство
против своего ослабления из-за чужой силы:

Разрезать надвое, что было 1им, удвоение с
целью
извлечения прибыли из двойной слабости: чтоб
владыка оставался тем, чем и был, а подданный
чтоб сделался лучшим подданным, чем прежде.
Срамными частями друг=к=другу пусть прислонятся
Потомство
пусть зачинают И рожают, помногу, – чтоб подросшая
детскость в них на всю жизнь застревала и радоваться
мешала
мыслям и своему телу; чтоб неразумием неразумный
довольствовался,
чтоб тесноты стало больше, а большое – стеснилось
И чтобы Долг в пиджаке с искрой, с солидными
фразами и параграфами,
вездесущий как мох и футбол, за гранью
сомнений любых
угнездился – даже в темных самых квартирках И
на самой каменистой земле; станет нынче игрой во
времени то, что когда-то само из времени состояло.
Желаниям немодным – последние рационы радости
И сразу после – первые рационы печали.

Потому-то 1 не знает радости, потому он и одинок.
Оттого-то его всегдашняя тяга к Другому:

Когда обнимутся, оба они станут Большим –
Мужчина и Женщина, держащие друг=друга,
как 1 Самость и как Одно – –

И отныне нам, потерянным, направление задает
кровь вечернего солнца в тучах. Когда смотрим
в зелень пруда, в муравчатый блеск, мы видим
отражения – тени, всплывающие из глубин
собственного нашего облика, – стремительно
плывущие к нам.

О чем с давних пор мечталось, сбылось;
пришло Завершение – и страха тоже.
Так солнце выпрыгивает назад
из зеркальца, подставленного ему, куда
оно сперва дерзко=блескуче впрыгнуло.

Руки раскинув (так хватает в воде
полип
щупальцами свою добычу), обвив ими
тело Другого

Не противясь более тяге к
кровосмешению...

И вот уже соединились в крике, смеси боли
И радости:

–И стали теперь!

Одним

–И стали теперь!

Скрестились члены обоих
в тесном объятии, они теперь и не 2е
и не удвоенное существо, как 1 или 3 –
Уже слабеет член у него, его плоть,
смоченный, как он чует, чужим и не-мужским –:
кровью!

(И это не смерть еще, это еще не конец)

Уже чует она чужое-неженское – прилив той силы,
что из могил пришла, для могил пополнение зачнет.

По-земному сросся с чужою плотью, с костями
некой Другой: он –
По-земному иначе живет чужой плотью, костями
некоего Другого: она –
Оба, и каждый иначе, чем прежде, видят: она – член
сильный, из тела ее торчащий и на Него указующий;
он же – нежность женских грудей, женского
срамного места;
запахи пола другого оба вдыхают. И, тягой к новому
оба теперь влекомы,
чувствуя по-иному, голосами уже не прежними
пытаются они высказать суть сокровенной тайны:

<p>Женщина:</p> <p>Смысл объятия – в желании потерять собственное тело; в переливании каждого своего отдельного атома в другую, чуждую емкость – так достигается Конец. Такое О-Кончание есть высшая мера физической власти, на какую способны живые существа. Может, суть такого деяния состоит в отречении <i>Я</i> от своей световосприимчивой части: за гранью видимого и воли к виденью – воли к жизни и: воли к виденью смерти – такое преобразование становится деянием ради <i>подлинного</i> бытия; это деяние изнутри вечно-Не-понимаемого вечно-Не-постижимого : акт <i>самодвижения в пространстве и времени</i>, уже не нуждающийся в зрительном восприятии. Отсюда – потребность обнимающихся в вечере, в темноте и в отказе от всего зримого (для чего и закрывают глаза). Если бы такой поступок нуждался в моральной оценке, я бы охарактеризовала его как снятие и погашение всякой <i>вины</i> по отношению к <i>Жизни</i>: вины, которую человек взваливает на себя в моменты зачатия и рождения. Поэтому суть объятия – окончательное саморасточение в миг оргазма. Это полная противоположность конструктивности преступления. Здесь, правда, тоже идет речь о присвоении (иного рода); но присвоение это не допускает возврата к соматическому и самости, к усталости, покою и сну или, как в случае с преступлением, – к спасению посредством наказания И покаяния : Необратимая в своей направленности, здесь происходит некая <i>Операция</i>: оргиастическое преобразование : сладострастие и гибель, Высочайшее Напряжение – а после окончательный распад, прекращение и исчезновение : В итоге остается лишь <i>страсть к Ничто</i>, камень, который становится камнем, ни к чему не пригодным, <i>асоциальным</i> в лучшем смысле слова. Только мы <i>Этого</i> уже не почувствуем.</p>	<p>Мужчина:</p> <p>большой бал в Потсдаме, она шикарно одета – в платье до полу; другие тоже в вечерних туалетах; в залах мало мужчин. Того, кто выглядит лучше всех, осаждают несколько дам. (Он похож на героя одного приключенческого фильма: с обнаженным торсом + в длинных мокрых штанах, занятого физической работой – загляденье)</p> <p>Все мало-помалу расходятся, на улицах позимнему=грязно. Мужчину опять осаждают. Крысозубка тоже здесь + тоже охотится за мужчинами. Внезапно сворачивает в переулок + говорит: «Я, пожалуй, пойду домой».</p> <p>Завидую ей, что она способна так незлобиво + легко отказаться от своего намерения. Иду еще какое-то время с группой женщин-вокруг-мужчины, но потом сворачиваю. Шансы слишком малы. Хочу встретить его в другом месте, случайно. По моим наблюдениям (сделанным уже на следующий день, светлый, весенний) он встречается с другом (который тоже выглядит <i>очень</i> хорошо; мне трудно сделать выбор..). Оба сидят на скамейке. 2й очень нежно целует 1го в шею (рубашка на груди расстегнута.) Они счастливы, что могут так радостно + без помех быть по-настоящему рядом. Потом оба уходят рука-об-руку. Я их преследую. И попадаю на станцию. Огромная станция метро или городской электрички, Маркс-Энгельс-Плац, имеет что-то общее с церковью/собором. На потолке картина – портрет матери 1го из них, большой, в мозаичной рамке (некоторое сходство с Иконой=Христом: бледность). К нему обращаются по громкоговорителю. Картина теперь проецируется на стену. Я думаю: здесь снимается фильм о них? Но нет. Они пугаются + замечают, что бегство невозможно. Окон нет, на стене часы, чугунные, как зубчатое колесо, с 1 только стрелкой, с таких ничего не прочтешь.</p>
---	--

<...>

И, сгорая пред Счастьем-Чужести, на слишком легкой лодчонке
вдоль без-ураганного, как нам кажется, Другого Я
до окончности Детства, гранитного мола, добравшись (через

мраморные ночи ласточки Гадеса летят,
огнями маяков выписано последнее предостережение;
там —: тайфуны чернó закручиваются и волны из *Mare Crisium*
захлестывают сочную слишком легкой лодку), —
вброшенные в бытие, мы терпим крушение, у скал безмолвного
Мертвого=Мира.

И, погружаясь на дно, окликаем других к возвращению, нашими
снежными голосами.

В конце игры, когда Превращение завершено, поступь дыханья снова становится легкой; калейдоскоп помешательств, чувственность И алкоголь, оставили — в разрозненных образах — неуверенность и загадки: какую выбрать лунную фазу какие серьги? к какой силе ветра какой подойдет аромат? к каким облакам — какую помаду цвет век?—: доводы разума ясного здесь им ничем не помогут. Чтоб обрести себя, оба поднимутся с ложа, которое отпечатки двух тел еще сохраняет.

SERMO.

И — встреча в стеклянной луже вульгарного зеркала покажет опухшие губы на собственном привычном лице, когда всерьез воспринятый экстаз уже позади, когда Еще-Сцепленность с другой, опять воспринимаемой как чужое, плотью уже указывает направление к бегству и Пустыне. И — ужас-перед-такой-встречей дергает известковую маску алчности; И — улыбка-на-двоих иссякает, стертая пепельно-серым рукавом униформы диктаторски придвинувшихся фактов:

Контрфорсы подпорной стенки Здесь-Бытия вздымаются из заводи младенческих криков, катастрофы запутанной таблицы умножения; пока стиральная машина переключается на режим полоскания, диктор программы новостей сообщает (тембр его голоса доверительный) о последних решениях, принятых на встрече глав номинально существующих сатрапий; звон будильника напоминает о скором визите находящихся в дальнем отъезде родственников, в то время как на доске для приготовления бутербродов засыхают колбасные шкурки — И под травой вновь-привычных слов таятся, как мы знаем, пустяковые темы, не иссякающие никогда; а все же другие шаги и элементарный шепот должны были бы проложить тропу через гнилую тоску и камышовые заросли скуки, должны были бы обвенчать нас с твердой землей, которой нам так не хватает со времен пресловутого пошлого Исхода из рая и Разделения полов под маловероятным яблоневым деревом.

:Глуposti, проникающие в комнату из действительности, вместе со сквознячком доводов рассудка, сминают тюлевую штору в складки полезных нормативов, когда ты, моя Иллюзия, обнаженная и недолго=вечная, в полуденной светлоте 1 украденного часа подходишь к окну —: а там Пан Импорт; упаковочная бумага шуршит среди коричных ароматов очень убедительной Чужести, пока пальцы нервно теребят узлы, завязанные с непривычным искусством-утаивания: обломок 1 всемирно-известной сущности задрапирован неисследимыми складками, И потому послания из более теплых краев никак не попадут в головы и кастрюли обитателей отечественной кухни —:комизм здешней жизни заключается в вялости генитального аппарата несмотря на хорошее кровоснабжение органа. Так что равенство — песня деревенских дурачков под колокольный звон *навязанного им выбора*; А от страхов-и-мук наших предков остались только ухмылки — стыдливой похоти и смолоду извращенной фантазии — на лицах снобов-самоучек и кареглазо-меланхоличных фашистов.

В съемных квартирах, сиречь между крышами и подвалами, между мансардами и

задними дворами, цветет во всем своем великолепии Новый Первобытный человек, интеллигентный=цивилизованный Номад=No-made, культивирующий сам себя в суицидальном духе: его кривые пути теряются в Ничто, его жребий Последнего не отмечен страхом, как лишен страха и его взгляд, порой поднимающийся от трансформаторных будок самоновейшего варианта причинности к созвездием затмевающей небо искусственной ночи.

Роскошны отраженья закатных облаков
в розовости неоновых реклам, в серной
желтизне ламп стадионов и ипподромов
– городские ночи, они еще светлее, когда
небо сокрыто тяжелой облачностью;
синь шлют машины пожарных и скорой
помощи
в грозные электро-зарницы, мчатся к
авариям и смертям, судьбоносность коих,
в разменной
монете исчисленная, давно обесценилась,
никого не интересует –: Не им – ажиотаж
телекамер биноклей и фотовспышек; а –
победителю дерби или заграничье.

Крикливы и утомлены, слишком торопливы и преисполнены коварством (жажда удовольствий, повзрослев, превратилась в болезнь, И спешка стала 1й из ступеней возмездия *нам*) эти пестрые тени; дергается творящий формы огонь, эфемерный и разрушительный, провоцируя последнюю картину – финальный занавес бульварного театра:

К-О-Н-Е-Ц

когда Александерплац станет пастбищем для кур и овец, на территориях спорткомплексов заколосится пшеница, коровы сожрут содержимое библиотек, ночами по освещенным площадям начнут разгуливать лисы и бродячие собаки, а в скверах, подземных гаражах и дворцах культуры можно будет увидеть беременных баб, обвешанных детьми и лохмотьями, в окружении тупо=угрюмых мужичьих лиц; памятники же и статуи, когда-то воздвигнутые почитаемыми=внушающими-страх властителями, постепенно – одиноко и комично – придут в упадок среди заросших сорняками пустошей И городских руин. Название последней комедии:

ЙО – ЙО

или

ГЕРКУЛЕС НЕ ПРИДЕТ В ВОСКРЕСЕНЬЕ.

<...>

9.4

И покинув, без ущерба для тела и его сексуальных функций, площадку игры, строительную площадку с изуродованной сухой землей – где, как всегда, блуждают древние образы экстаза и смерти, как всегда безымянные, И в метрическом протекании времени не предусмотрено места для электронных и контрольных часов, для тиранических ритуалов, – мое представление находит преждевременный конец. Я сейчас мог бы, продолжая свою уводящую на окольный путь, но никому не причиняющую вреда игру-ложь, приблизиться к станции метро. Система туннелей раскинулась бы передо мной светло и тихо, с гудящей торжественностью, с радующим глаз малолюдством – в такие часы как эти: последние, как я

говору, перед Сочельником. С такой перспективой (на 2 дня, свободных от служебного обязательства, в силу которого я должен присутствовать и совершать определенные действия в некоем месте, безразличном мне ровно в той же мере, что и какое-нибудь болото на берегу Замбези³⁰) я мог бы поехать на метро в тот район города, где мне известно одно убежище, на свободу-в-котором я себя выкупаю посредством ежемесячного внесения постоянной суммы; там в зеркалах возникают воспоминания о лицах, моих и чужих, которые, подобно запертым в сосудах настороженным демонам, благодаря немой мимике стекла способны в любой момент ожить. Мне не понадобилось бы никакого заклинания, ни физической формулы, ни жетона для автомата, чтобы вновь и вновь вытягивать из них, возвращая к жизни, повседневные песнопения персональной паники, все то безумие и весь тот комизм, какие возможны в промежутке между треснувшей кофейной чашкой и пронзительным телефонным звонком. И я бы мог, устало моргая, вспоминать во время такой поездки в метро когда-то вдохновлявшие меня, а ныне оставшиеся позади задачи. Не исключено, что самые впечатляющие слова в тишине позволили бы себя повторить; пока я наблюдал бы за мухами на постере зоопарка, прошлые мои ошибки, сомнительные и стыдные, спотыкаясь, соскальзывали бы в ощущение торжества – – ; И пальцы рук тем временем сцеплялись бы, словно в жесте экзотической молитвы Богу Расслабленности. Чье святилище, скорее всего, находится где-то на полпути между конопляными полями Хуараса и мусорными контейнерами за углом; в обоих случаях это место не досягаемо ни для веры, ни для зрительных=устремлений с оттенком притяжательности. Итак, я, стоящий с только что вынутым из шкафа свежим полотенцем в руках возле раковины, мог бы позволить последним часам этого дня, кануна Рождества, как я утверждаю, закончиться в выкупленной у хаоса и страха комнате некоей городской квартиры, населенной призраками упущенных слов и попусту растрченного времени. И тогда в одном персонаже соединилось бы достаточно подкрепляющих неправду деталей, чтобы об этом персонаже с его ограниченным существованием вскоре можно было без остатка забыть. Как если бы этот персонаж был именем, криво нацарапанным на клочке бумаги, какие мы вручаем друг другу при обмене адресами после развлекавшего нас несколько часов дорожного знакомства; именем, которое мы, еще прежде, чем наши ладони перестанут хранить тепло – обещание новой встречи, – забываем под давлением мускульной силы других необходимых дел. Итак, последние (уже после приключений на верхней площадке недостроенного высотного дома на окраине-к-нашему-городу) часы этого, если верить моему утверждению, Сочельника я мог бы исписать непрочными знаками противоречивости и тишины. Действительно только слово. Нет никакой площадки с доставшимися Незавершенности и Упадку высотными домами. И сейчас вовсе не вечер Сочельника.

³⁰ Есть ли на берегах Замбези болота? Я там никогда не был. Но они там наверняка есть, как и повсюду, где вода и земля смешиваются, образуя нечто Третье. (Примеч. автора.)